

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Алексея Геннадьевича Можая «Общественно опасные последствия в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 285, 286 УК РФ», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Неоднократные обращения Пленума Верховного Суда к проблеме содержания категории общественно опасных последствий умышленных должностных преступлений, изменение позиции высшего судебного органа относительно перечня таких последствий, исключение из этого перечня – во всяком случае, в официальных документах – упоминаний некоторых из них, нескончаемые попытки представителей теории хоть в какой-то степени формализовать соответствующие оценочные характеристики данных признаков объективной стороны этих преступлений не привели, увы, к созданию более или менее стройной и, главной, пригодной для правоприменения концепции. Поэтому судебная и следственная практика остро нуждается в продолжении научных изысканий в этой области и выработке на данной основе надежных и признаваемых всеми судебными инстанциями рекомендаций, следование которым позволит существенно повысить «устойчивость» решений по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. Значимы подобные разработки и для практики по делам о преступлениях, предусмотренных иными нормами главы 30 УК РФ, например, ч.2 ст.292, ст.293 УК РФ.

Сказанное предопределяет вывод об **актуальности** предпринятого диссертантом исследования.

Творческий, самостоятельный характер диссертационного исследования, обращение автора к значительному числу литературных источников, анализ ведущихся в науке дискуссий с вынесением на

обсуждение сложных с точки зрения теории проблем, и, главное, выработка на этой основе собственных подходов к решению задач правоприменения и законотворчества позволяют говорить о *научной новизне* рецензируемого труда. Умелое использование автором методологического аппарата, оригинальность основанных на результатах научных поисков решений дает основание заключить, что в работе освещена *важная научная проблема*, имеющая к тому же несомненную *практическую значимость*.

Подход к определению структуры работы представляется методологически верным, позволяющим логично, последовательно изложить выявленные диссертантом проблемы и их решения.

В первой главе раскрыто понятие общественно опасных последствий как признака объективной стороны преступления, приведена их классификация. Вторая глава посвящена исследованию уголовно-правовой характеристики преступлений, предусмотренных ст. ст. 285, 286 УК РФ, в том числе такому их центральному оценочному свойству, как существенность вредоносности, проанализированы тяжкие последствия как разновидность оценочных общественно опасных последствий умышленных должностных преступлений. Сравнительно-правовой раздел в диссертации не выделен, однако компаративным материалом снабжены несколько параграфов, такой методологический прием следует признать успешным.

Есть, полагаю, все основания для того, чтобы поддержать автора в большинстве отстаиваемых им суждений.

Остановливаясь на дискуссии о содержании объекта и его соотношения с предметом преступления, автор находит основания для поддержки Н.Ф. Кузнецовой в том, что предмет является внешним выражением объекта в окружающем мире наиболее точно и полно отражает механизм преступного посягательства. Верно и то, что «деление общественно опасных последствий (вреда) на преступный результат и преступные последствия может иметь

значение лишь для разграничения субъективных признаков преступления, рассмотрения их влияния (волевых компонентов) на формирование последствия преступления, какой-либо иной практической значимости данная классификация не имеет».

Он верно заключает: «общественная опасность в ее меньшем проявлении свойственна всем правонарушениям, а не только преступлениям» и это «может рассматриваться как основание для изменений общепринятой уголовно-правовой терминологии на иную, характерную только для преступлений и уголовного права». Однако действующий Уголовный закон РФ использует понятие «общественная опасность» и «общественно опасные последствия», является единственным кодифицированным актом, содержащим нормы уголовного права. По этой причине, а также с позиций стабильности Уголовного закона, мы полагаем, что использование иной терминологии нецелесообразно».

Выделенные диссертантом для обсуждения проблемы и предлагаемые решения удачно проиллюстрированы ссылками на материалы судебной практики. Таким образом, выводы диссертанта сличаются им с воззрениями правоприменителя, а это позволяет оценить теоретические рассуждения автора с позиций их практической достоверности. Эмпирический материал весьма обширен и интересен и вкупе с критическим комментарием автора является полезным в методическом плане.

Исследованием судебной практики диссертант поверяет свои идеи *de lege lata* и обосновывает суждения о понимании оценочных признаков общественно опасных последствий по делам о должностных преступлениях наиболее распространенных категорий. В частности, он заключает, что «в настоящее время суды считают достаточным для привлечения к уголовной ответственности как незаконное непривлечение к административной ответственности, неисполнение административного наказания, так и

незаконное привлечение к административной ответственности. При этом ранее по аналогичным фактам следствие и суд не усматривали состава преступления в виду отсутствия существенности вреда. Таким образом, ... сформировалась судебная практика в части восприятия достаточным для привлечения к уголовной ответственности по ст.ст. 285, 286 УК РФ факта непривлечения к административной ответственности, либо незаконного привлечения к административной ответственности как разновидности оценочных нематериальных общественно опасных последствий».

Еще один результат глубокого изучения практики состоит в том правильном выводе, что «сама по себе дискредитация правоохранительной системы без иных конкретных последствий не образует состава преступления, исходя из того, что следователь и суд должны указывать, в чем именно проявилось существенное нарушение прав, свобод и законных интересов, дискредитация же правоохранительной системы является понятием достаточно размытым и не имеющим конкретных последствий. При этом в теории уголовного права имеется и иная точка зрения». По тем же причинам, то есть ввиду крайней неопределенности А.Г. Можаяев отрицает возможность определения «понятия «тяжких последствий» через оценочные понятия «подрыв авторитета» и «дискредитации органов власти».

Согласен и с идеями *de lege ferenda*, состоящими в том, чтобы ввести в уголовный закон некие формальные критерии, по наличию либо отсутствию которых суды станут устанавливать тот или иной признак состава, относящийся к последствиям преступного деяния, к причиняемому действиями либо бездействием вреду. Собственно, этой идее посвящено едва ли не большинство из выносимых на защиту положений. Мне данная мысль в свое время казалась малореализуемой. Однако постоянно наблюдая те сложности, которые суды вынуждены преодолевать при квалификации насильственных должностных преступлений по признакам общественно

опасных последствий, все больше соглашаюсь с таким подходом – пусть и в ущерб доктрине, привыкшей к оценочным характеристикам указанных последствий, но во благо практике названные признак стоило бы максимально формализовать. В том числе посредством юридических приемов, предлагаемых диссертантом в положении 8.

Несмотря на общее благоприятное впечатление, которое оставляет обсуждаемая работа, она не свободна от ряда спорных либо недостаточно аргументированных положений, что, думается, стало неизбежным следствием сложности разрабатываемой темы для науки и практики.

1. Диссертант, с одной стороны, полагает, что «законодатель будет продолжать активно использовать институт административной преюдиции, как инструмент либерализации Уголовного законодательства, как для отграничения преступления от административного правонарушения, так и для борьбы с наиболее общественно опасными однотипными правонарушениями, профилактикой их повторного совершения». Однако примером такой либерализации он видит «введение в Уголовный кодекс РФ ст.264.1 УК РФ - нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, где законодатель с целью борьбы с таким явлением, как управление транспортным средством в состоянии опьянения, был вынужден ввести уголовную ответственность за повторное совершение указанного правонарушения» (с. 35).

Но разве криминализацию деяния, ранее не являющегося преступным, можно отнести к актам либерализации уголовного законодательства? Полагаю, что нет.

2. И в защищаемом положении 2, и неоднократно в тексте работы (с. 72, 90, 183 и др.) А.Г. Можаяев утверждает, что проблемы в судебной и следственной практике в части оценки материальных общественно опасных последствий связаны в том числе «с тем фактом, что причинение

материальных общественно опасных последствий в чистом виде, без взаимосвязи с субъектом, субъективной стороной, предметом и объектом преступления и самим деянием невозможно». Точный смысл этого тезиса остался от меня скрыт, но если я правильно понял мысль автора, то поддержать его могу лишь отчасти.

Разумеется, общественно опасные последствия являются признаком объективной стороны преступного деяния, элементом системы и именно в этом качестве заслуживают соответствующей оценки. Так, имущество может быть уничтожено и силами природы, скажем, ударом молнии, и поджогом, но именно в последнем случае оно станет рассматриваться как общественно опасное последствие преступного деяния. Однако целый ряд характеристик соответствующего вредного результата, например, размер причиненного вреда вполне объективен и подлежит изучению и установлению в отрыве от упомянутых соискателем степени элементов.

3. Диссертант задает вопрос: «каким образом квалифицировать умышленные действия должностного лица, выраженные в форме бездействия, например, непринятие заявления о преступлении сотрудником Следственного комитета, прокуратуры», и отвечает: «возможно совершение преступления, предусмотренного ст.286 УК РФ, в форме бездействия, в случае умышленного неисполнения должностным лицом, возложенных на него обязанностей» (с. 104 и 105).

Однако и уголовный закон, и высший судебный орган включают в состав превышения полномочий исключительно действия должностного лица. Что же касается повлекшего причинение соответствующих общественно опасных последствий бездействия в виде неисполнения обязанностей, то содеянное не преступно за исключением случаев, когда «подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности», на что прямо указано в не упомянутом автором п. 15

постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

4. По мнению автора, «содержание термина «ущерб» в Уголовном праве РФ, с точки зрения рассмотрения его как разновидности общественно опасных последствий, аналогично содержанию термина «материальный вред». Надо отметить, что в уголовном праве под ущербом понимается реальный ущерб, то есть упущенная выгода и т.п. не учитываются при его исчислении» (с. 44). С этим утверждением согласиться также нельзя, поскольку термином «ущерб» в уголовном законе определяется не только прямой действительный (положительный) ущерб, но и имущественные последствия для потерпевшего, ставшие результатом непередачи ему должного, например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 176 «Незаконное получение кредита», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и др.

Как видно из приведенных замечаний, отмеченные спорные положения не влияют на положительную оценку рецензируемого труда, представляющего собой самостоятельное творческое исследование серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и непосредственное прикладное значение. Автор показал себя хорошо подготовленным ученым, умеющим применять теоретические знания для решения сложных вопросов уголовного права, владеющим современными методами исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в научных публикациях автора и автореферате.

На основании изложенного прихожу к выводу о том, что работа Алексея Геннадьевича Можая «Общественно опасные последствия в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 285, 286 УК РФ» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по

специальностям 12.00.08, а диссертант заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук (специальность 12.00.08),
профессор

3 декабря 2019 г.

119991, ГСП-1, г. Москва,

Ленинские горы, д. 1,

корп. 13-14 (4-й учебный корпус), ауд. 429а, 430а

тел. 8 (495) 938-24-94

E-mail: pavel_yani@rambler.ru

(495) 939-10-00

info@rector.msu.ru

<https://www.msu.ru>

